

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 12 (440)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

30 Июня 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Абрамович. Европа и Азия.
А. Югов. Ответ на вопросы.
Григорий Аронсон. Бодрые вести с берегов Вислы.
В. Александрова. «Трибуна противнику».
Виктор Мандельберг. Новая английская политика в Палестине.

В Раб. Соц. Интернационале: Ф. И. Дан. Недегальные времена. — Сессия Исполкома РСИ.
По России: С. Ш. К итогам переписи населения.
Письмо в редакцию.
Издания, поступившие в редакцию.

Extrait du Sommaire : Articles de R. Abramovitch sur la situation internationale en Asie et en Europe ; de A. Jugow sur l'évolution de l'agriculture collectivisée en Russie ; de G. Aronson sur la victoire socialiste aux élections municipales en Pologne ; de V. Alexandrova sur la littérature soviétique ; de Victor Mandelberg sur la nouvelle politique de la Grande Bretagne en Palestine ; de Th. Dan sur la lutte intérieure au sein de l'Internationale Ouvrière Socialiste ; de S. Sch. sur l'évolution démographique de l'URSS.

Р. АБРАМОВИЧ.

Европа и Азия

Плоскость международных трений знаменательно расширилась за последнее время. Наряду со старым очагом военной опасности в Центральной Европе возник новый — на Дальнем Востоке, в Тьенцзине и Сватоу, отдаленный географически от первого многими тысячами километров, но политически и стратегически тесно с ним связанный. Нет надобности непременно предполагать в провокационных выступлениях Японии против английских концессий в Китае строгую координацию действий с Германией и Италией. Если японские выступления и не являются плодом детального сговора генеральных штабов Японии, Германии и Италии, то их внутреннее родство и их взаимная связь не подлежат никакому сомнению уже в силу той фактической ситуации, которая создалась в международном масштабе между двумя коалициями, очертания которых становятся все ярче и определеннее.

Затяжной характер московских переговоров неизбежно должен был вызвать у японской военной партии стремление использовать создавшийся благоприятный

момент для форсирования своей агрессивной политики в Китае. Японские милитаристы могли почти безошибочно рассчитывать на то, что при создавшемся напряженном положении в Европе и перед лицом продолжающейся неопределенности в намерениях Советской России, ни Англия, ни Франция не смогут сейчас изъять из европейского театра действий ни дреднаутов, ни авиации, ни экспедиционных корпусов. Огромное превосходство морских сил Японии в Китайском море и в Тихом океане, в сочетании со связанностью англо-французских сил в результате неопределившегося еще положения в Европе, представляют собою крайне благоприятный шанс для Японии, которым она, конечно, не могла не воспользоваться. Но давление Японии в Китае в свою очередь не могло не отозваться на взаимоотношениях в Европе. В Англии и во Франции еще до сих пор сохранились мюнхенские настроения в массах, и среди правящих групп до сих пор еще имеется достаточно могущественное течение, склонное пойти на соглашение с Германией в интересах предотвращения опасной

и неверной войны. Легко себе представить, насколько эти настроения и силы получают подкрепления во внезапном усилении японской активности в Азии. Ведь азбучной истиной является максима, что для Великобритании жизненный центр ее Империи лежит не в Европе, а в Азии и тех континентах (Австралия, Африка), судьба которых неразрывно связана с господством на азиатских путях сообщения. Самая заинтересованность Англии в Европе является, с точки зрения Британской Империи, лишь производной величиной. Если Англия восстает против гегемонии Германии на континенте Европы или Италии в Средиземном море, то главным образом исходя из того отрицательного эффекта, который эта гегемония будет иметь для имперских путей сообщения и связей Великобритании. Если кризис в Европе продержится в нынешней острой форме еще неопределенно долгое время, если связанность Англии в Европе заметно и надолго ослабит ее сопротивление японскому наступлению в Китае и на азиатских морях, то для имперских кругов Англии возникнет неразрешимое противоречие между стремлением играть активную роль в улажении европейского кризиса и необходимостью защищать существование Британской Империи в Азии. И кто может сказать с уверенностью, куда повернется политика Англии перед лицом такого внутреннего конфликта?

С одной стороны, желание развязать себе руки на азиатском Востоке путем обеспечения европейского «тыла» может подвинуть Англию на дальнейшие уступки в переговорах с Москвой. Но столь же возможна и обратная реакция: если запрашиваемая Москвой цена окажется слишком высокой, то при наличии указанных уже выше мюнхенских настроений, создавшаяся ситуация может толкнуть Англию и на новый поворот, — поворот в сторону соглашения с Германией, а через последнюю с Японией.

Конечно, в создавшейся сейчас мировой ситуации есть много факторов, не поддающихся учету. Морское превосходство Японии в китайских водах и в Тихом океане существует лишь постольку, поскольку Соединенные Штаты остаются вне конфликта: вхождение Америки в «игру» радикально меняет ситуацию. Но какова будет политика Соед. Штатов в назревающем конфликте? В отличие от Англии и Франции Америка не имеет в Китае концессий, и потому поход Японии против европейских концессий сейчас непосредственно не затрагивает американских интересов. Но по существу и в более отдаленной перспективе стремление Японии монополизировать китайский рынок является ударом и по Соед. Штатам; японское острие, может быть, даже больше всего направлено в конечном счете против Северо-Американской Республики — этого великого антагониста Японии в Тихом океане. Если англо-японский конфликт разрастется и приобретет острый характер, то трудно сомневаться в том, на чьей стороне в конце концов фактически окажется Америка. Но вступит ли она в конфликт немедленно, или же пустит в ход свое могущественное давление для того, чтобы не допустить до открытого конфликта и сыграть роль посредника?

С другой стороны, европейская печать единодушно отмечает тот факт, что нынешняя японская агрессия оставляет совершенно в стороне Советскую Россию, в то время как ни для кого не тайна, что именно японско-русские противоречия представляли собою до сих пор один из самых «невралгических пунктов» в восточно-азиатской ситуации. Ведь недаром советское правительство вынуждено держать на Дальнем Востоке совершенно самостоятельную огромную армию и совершенно независимый от Европейской России могущественный воздушный флот. Еще несколько месяцев то-

му назад русско-японские отношения были настолько напряжены, что возможность вооруженного конфликта всеми считалась чрезвычайно вероятной. Однако, сейчас русско-японские противоречия отступили как бы на второй план, и на авансцену выдвинулись совершенно неожиданно противоречия между Англией и Японией, принявшие сразу необычайно острый характер. Отражает ли это видимое состояние действительное положение вещей, или же оно является лишь «дымовой завесой», за которой подготавливается удар в совершенно ином направлении? Но если русско-японский конфликт сейчас действительно играет лишь подчиненную роль, то как объяснить то глубокое «прощупывание», которое сейчас — неизвестно только с какой стороны и по чьей инициативе — происходит на границе Советской Монголии и Маньчжукуо? Не говоря уже о японских данных, оперирующих с совершенно фантастическими цифрами, ведь даже более скромные советские сообщения говорят о воздушных боях, в которых принимают участие с обеих сторон 150 или 200 самолетов, танки, тяжелая артиллерия и т. п. Конечно, все эти пограничные стычки не означают еще войны. В отличие от патриархальных довоенных времен, когда неосторожный выстрел пограничника, или вышибленная из губ австрийского консула сигара считалась роковым «казусом белли», сейчас даже всеобщая мобилизация, даже намеренное издевательство над британским флагом или даже форменные бои с участием сотен аэропланов и танков не приводят еще в движение автоматизма войны. Но тем не менее, какой-то смысл ведь все-таки события на монгольско-маньчжурской границе имеют, и единственный реальный смысл, который они могут иметь, это — «глубокая разведка» для подготовки либо военных действий, либо отступления одной из сторон в предстоящем гигантском советско-японском конфликте, который скрещивается в той или иной форме с конфликтом японско-британским.

Японская политика дальнего прицела имеет в Европе много различных истолкований и интерпретаций. Есть мнение, что основным стремлением Японии является установление ее гегемонии на материке Азии, и что, следовательно, ее политика направлена на вытеснение и устранение всех конкурентов на азиатском материке, т. е. прежде всего России, а затем и Англии. Другая версия исходит из того, что действительные интересы Японии лежат на Тихом океане, что конечной целью японской политики является овладение островными архипелагами Тихого океана, единственно пригодными, по своему климату, для массовой японской иммиграции, и что борьба на азиатском материке является поэтому лишь подготовительной стадией для решающих морских боев за господство на Тихом океане. Но тогда основным противником Японии в этой гигантской борьбе является Сев. Америка.

В том или ином случае конфликт между Россией и Японией является неизбежным, то ли в качестве основного с точки зрения Японии, то ли в качестве подготовительного к большой войне с Соед. Штатами.

Но если это так, то каким образом Сов. Россия может быть заинтересована в том, чтобы затягиванием состояния неопределенности в Европе косвенно помогать японской игре в Азии? Торг с Англией из-за охранения своего «великодержавного» престижа и полного проведения принципа «равноправности» может при этих условиях оказаться для России очень опасной игрой.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ**

А. ЮГОВ.

Ответ на вопросы

Проблема русского крестьянства, естественно, вызывает широкий и острый интерес. Мои статьи в последних номерах «С. В.» — «Бедняки и миллионеры» и «Диктатура и крестьянство» — вызвали живой отклик читателей. Мне поставлены вопросы, продиктованные часто противоположными воззрениями. Я думаю, что опубликование моих ответов, хотя бы на важнейшие вопросы, будет помогать выяснению этой основной и сложной проблемы.

Вопрос: — Вы дали картину того, как рядом с колхозом, несмотря на все препятствия, выросло усадьбное хозяйство с разнообразной продукцией. Вы указали, что усадьбное хозяйство играет все усиливающую роль в снабжении городов продуктами питания. Не считаете ли вы правильным сделать вывод, что колхозы не оправдали надежд на экономическую прогрессивность их хозяйства по сравнению с хозяйством частным?

Ответ: — Экономическая прогрессивность колхоза, как крупного, механизированного хозяйства оказалась в полной мере оправдана. Несмотря на насильственные методы коллективизации, бесхозяйственность и бюрократичность в управлении, колхозы в отношении техники и агрономии имеют такие бесспорные преимущества, что их производство за последние годы достигло громадных успехов. Среднегодовой сбор зерна за годы 1909-1913 составлял 635,9 м. ц., а среднегодовой сбор зерна за 1933-1937 гг. составлял 866,2 м. ц. Производство хлопка увеличилось по сравнению с довоенным больше чем в 6 раз, и вся потребность в хлопке удовлетворяется внутренним производством. Сборы льна-волокна и сахарной свеклы увеличились свыше $1\frac{1}{2}$ раз. Увеличилась не только общая продукция, но что гораздо важнее сборы на га. Урожайность пшеницы, бывшая в 1909-1913 годах 6,9 ц. на га достигла в последнее пятилетие 9,1 ц. на га. Но 30% увеличилась урожайность хлопка и на 25% свеклы. Более медленно, но неуклонно происходит процесс восстановления животноводства. Механизация значительно увеличила продуктивность труда. Сейчас опубликованы данные по изучению производительности труда в колхозах. При всем критическом отношении к советской статистике, нельзя игнорировать поражающие результаты работы колхоза в последние годы. Обследование показывает, что, напр., на все работы по зерновым культурам на каждый га посева затрачивается в среднем в колхозах 10,55 человекодней (1937 г.), а в единоличном хозяйстве (период Нэпа) — 20,82 человекодня. Кроме того, агротехнический комплекс с.-х. работ в колхозах, который потребовал труда в два раза меньше, чем в крестьянских хозяйствах, обеспечил урожайность в 1,6 раза более высокую. Таким образом, общая производительность труда в колхозах повысилась в 3,2 раза по сравнению с крестьянской. Если же выделить колхозы, обслуживаемые МТС, т. е. колхозы в максимальной мере, применяющие механизацию во всем стадиям сельского труда, то, по данным обследования «производительность труда выросла почти в семь раз» («П. Х.» № 4 1939 г.). В колхозах происходит неуклонный процесс поднятия агрономической культуры. Хроническая убыточность и паразитичность мелких крестьянских хозяйств России оказались преодолены. Уже сейчас колхозы являются основным источником

снабжения зерном, кормами и главным сырьем всей страны: населения, индустрии, скота. При этом дальнейшие возможности развития с.-х. производства колхозов очень велики.

Препятствует возможности развития колхозов не техника, не экономика, а политика диктатуры. Государство из года в год отбирает у колхозов непомерно громадную долю их продукции (даже по официальным данным 35-40%), при этом отбирает по ценам явно убыточным. Именно поэтому, колхоз не дает колхознику достаточных хозяйственных стимулов. Миллионы колхозников сознательно ограничивают «работу на государство» минимумом. Именно поэтому, рядовой колхозник перенес свой интерес на усадьбу, где его труд, хотя и менее экономически производителен, но для него более рентабелен.

Усадьбы стали играть крупную роль в снабжении страны не потому, что они более прогрессивны, чем колхоз, а в силу факторов политических. Более того, усадьбы получили возможность развить у себя разнообразное и товарное хозяйство только благодаря тому, что колхоз обеспечил и колхознику и его семье и его скоту снабжение хлебом и кормами. Точные данные о том, какую роль играют усадьбы в снабжении и продуктами, к сожалению, не опубликованы. Но можно привести громадное количество отчетов, корреспондентий, бытовых очерков и пр., которые единодушно свидетельствуют, что усадьба играет большую и при этом все растущую роль в снабжении городов. Сейчас газеты «Правда» и «Соц. Земледелие» разносят публицистов «Соц. Сел. Хозяйства», «План. Хозяйства», «Советского Государства» за то, что «они приходили в телячий восторг от каждой цифры, показывающей роль личного хозяйства колхозника», за то, что «они преуменьшали роль колхоза».

Вопрос: — Почему вы считаете бесспорным и в с.-х. производстве преимущества крупного хозяйства? Вы сами указываете в своей статье на процветающее мелкое хозяйство Дании. Колхозы потребовали непосильно громадных вложений. Быть может, интенсивное мелкое хозяйство оказалось бы более соответствующим хозяйственному уровню современной России.

Ответ: — Совершенно верно, что задача поднятия уровня с.-х. производства в СССР в основном сводится к проблеме интенсификации всей системы хозяйства. Развитие с.-х. производства САСШ, Канады с одной стороны, и Дании и Швеции с другой, показали на практике, что товарное производство зерна, хлопка, свеклы и многих других видов технического сырья наиболее производительно развивается в условиях крупного хозяйства и механизации. Производство же молочных продуктов, разведение птицы, огородничество и переработка с.-х. продукции на ряду с крупным хозяйством могут весьма успешно развиваться и в условиях хорошо поставленного, применяющего передовые методы агрономии и техники, мелкого хозяйства. Практика колхозов и усадеб в СССР говорит о том же.

Мысль, что колхозы потребовали громадных вложений капитала, а интенсивные мелкие хозяйства этого не потребовали бы, в корне ошибочна. Интенсивные мелкие хозяйства типа Дании требуют

очень больших вложений капитала, притом вложений менее рационально используемых, чем в хозяйствах крупных, где гораздо более полно используются и орудия производства, и средства передвижения и хозяйственные постройки.

Неверно также, что колхозы потребовали непомерно больших вложений капитала. В иных условиях деревня вложила бы гораздо большие средства в свое хозяйство. В том то и трагедия русской деревни, что государство из нее извлекает сотни миллиардов рублей, а ей возвращает по несколько миллиардов в пятилетку (см. мою статью «Бедняки и миллионеры», «С. В.» № 9/10 1939 г.). Потребностям современного хозяйства России соответствует не уменьшение вложений в с.-х. производство, а их увеличение.

Вопрос: — Предполагаете ли вы, что, в случае ликвидации принудительности, колхозы сохранятся, как сколько-нибудь существенный фактор сельского хозяйства?

Ответ: — В развитии колхозов можно сейчас отметить две тенденции. В случае, если в непрекращающейся борьбе между крестьянством и диктатурой победит диктатура, то в относительно короткий период времени колхозы превратятся, совсем не в коммуны, как думают некоторые, а в совхозы. Крестьянство, как особая разновидность трудящихся, перестанет существовать в СССР...

Но если победит крестьянство, что я считаю более вероятным, то колхозы сохранятся, как доминирующая форма хозяйства. Колхозы являются настолько необходимой предпосылкой для сохранения механизации и агрикультуры, они создают такие условия для высокой производительности труда, они имеют такие громадные, очевидные для крестьянства преимущества, что крестьянство в массе не сможет и не захочет их ликвидировать. Оно пойдет по линии устранения отрицательных, враждебных крестьянству свойств колхозов. Крестьянство отбросит всякое вмешательство государства в управление колхоза, оно потребует распоряжения всеми орудиями производства. Оно потребует, наконец, права распоряжения своей продукцией и своими доходами. Само собою разумеется, что в свободных условиях, рядом с колхозом, как основной формой хозяйства, будут существовать и другие формы, в том числе и частное мелкое хозяйство (см. «За свободные колхозы», «С. В.» № 8 1938 г.).

Я не думаю, что крестьянство, как бы ни была глубока затаенная ненависть, порожденная принудительной коллективизацией, ликвидирует колхозы. В отдельных случаях останутся кооперированными лишь совместная обработка земли тракторами и уборка комбайнами, в других случаях сохранятся совместными все производственные процессы и сбыт продукции, в третьих случаях останутся кооперированными все современные функции колхоза, но на началах свободного самоуправления. Но в громадном большинстве случаев производственно более прогрессивная форма хозяйства выживет: здравый смысл и жизненный опыт побудят крестьянина не уничтожить колхозы, а лишь преобразовать их, сделать их своими.

Но если бы оказалось, что политика насилия советской власти породила настолько глубокую ненависть, что крестьянство стало бы уничтожать колхозы, трактора и комбайны, как рабочие некогда уничтожали машины и станки, если бы оказалось, что крестьянство пожелает вернуться к частному хозяйству, пожелает осуществить «черный передел», то это означало бы на долгие годы гражданскую войну в деревне и обречение городов на голодное вымирание. Быть может, такая судьба угрожает

России, но, достаточно об этом серьезно подумать, чтобы понять, что на знамени ни одной прогрессивной общественной группы, не может быть написано: «долой колхозы». Социалдемократия должна стремиться к раскрепощению колхозов, к их преобразованию в соответствии с волей крестьянства, но не к их ликвидации.

Вопрос: — Почему же вы относитесь отрицательно к тому, что советская власть ведет борьбу с усилением частно-хозяйственных начал в деревне? Ведь стремление советской власти не дать усилиться этим тенденциям вполне законно? Ведь ее задача укреплять кооперативные тенденции колхозов?

Ответ: — Частнособственническая психика и интересы не какие-то отрицательные, низменные черты русского крестьянства, а естественные свойства всякого крестьянства, определяемые всеми условиями их производства и быта. Это надо понять, с этим надо считаться. Тот, кто понимает, что русская революция может победить лишь на началах соглашения рабочего класса и крестьянства, тот должен всегда и последовательно стремиться к тому, чтобы крестьянство считало дело революции своим делом. Если в Европе фашизм вырос в значительной мере из-за игнорирования реальных интересов средних слоев города и деревни, то игнорирование и попираание основных стремлений широких слоев крестьянства должно привести к победе контрреволюции.

Перевоспитание крестьянства, выветривание его собственнической психики процесс сложный и длительный. Эта задача не может быть выполнена ни раскулачиванием, ни лишением усадьбы, ни «душевной агитацией» деревенских комсомольцев. Только длительная практика свободного кооперативного труда, на ежедневном примере показывающая преимущества кооперативной системы не только для народного хозяйства, но и для него, отдельного производителя, может постепенно перевоспитать крестьянина.

Победа кооперативного начала никогда не достигается принуждением, она может произойти лишь в случае, если в хозяйственном соревновании кооперативное крупное хозяйство покажет свои преимущества, по сравнению с частным мелким, и для страны и для крестьянина.

Вопрос: — Что означают политически новые мероприятия советской власти? Против каких социальных групп они направлены? Не означают ли они, что советская власть предполагает опереться на зажиточные слои колхоза, обычно имеющие большое количество трудодней, в своей борьбе против сельской бедноты, обычно имеющей небольшое количество трудодней?

Вопрос: — Не означают ли последние мероприятия советской власти новый поход против богатейших слоев деревни и новое возвращение к политике революционного утопизма?

Ответ: — В своей последней статье я, в меру возможности, вскрыл двигательные силы и последствия, осуществляемых сейчас диктатурой мероприятий. Обе аналогии с прошлым, хотя они и противоположны, однако не неправильны. Социально-политический смысл новой политики совершенно иной. Во время раскулачивания советская власть действительно опиралась на беднейшие слои деревни, подымая их против «кулаков». Сейчас власть ни на какие беднейшие слои не предполагает опереться в своей борьбе против усиливавшегося усадебного хозяйства, да и не может опереться. Но это и не поход против бедноты в интересах зажиточных слоев деревни, так как многие колхозники, с усадебными «устремлениями», имеющие малое число трудодней, весьма зажиточны. «Правда» сообщает о семье

колхозника Г а р б у з а, имеющей всего 37 трудодней, но на усадьбе в 2 га осуществляющей полный севооборот и сбывающей овощи, фрукты и сортовые семена на соседних базарах. «Соц. Земледелие» сообщает о колхознике В а с и л и д з е, который от своего личного хозяйства получил 18 тыс. руб. дохода. Более того, борясь против «разбазаривания» колхозной земли, советская власть раньше всего вступает в борьбу с колхозной и местной администрацией. Возьмем последние несколько номеров «Правды» и «Соц. Земледелия». Вот перед нами проходят: председатель колхоза «Н о в о е Г р е б н е в о», имеющий усадьбу в 3 га, председатель колхоза «З н а м я т р у д а», кандидат партии, З д о р о в ц е в, имеющий усадьбу свыше нормы и тайком арендующий в соседнем лесхозе участки, засеянный под коноплю. Вот председатель райисполкома П. Г а н ж и н и председатель сельсовета Л а п т у х о в, захватившие, кроме усадьбы, еще значительные участки колхозной земли. Таких примеров можно привести тысячи, ибо они отражают основу быта современной деревни.

Новая политика, поэтому, не означает ни похода против имущих, ни похода против бедных. Это поход против тех, кто держит курс на укрепление частнохозяйственных начал в деревне, это опора на тех, кто не за страх, а за совесть поддерживает политику Сталина. Это борьба с «корешками единоличников». Это одна из форм борьбы диктатуры с теми, кого она считает потенциально опасными. Эти меры — один из элементов общей политики диктатуры.

Это конечно не возврат к утопической левой политике. Но эти мероприятия во всяком случае показывают, что вновь просчитались те, кто полагал, что процесс перерождения зашел так далеко, что власть впредь может и хочет обеспечить своим сторонникам спокойствие и охрану приобретенного ими благосостояния.

В о п р о с: — Сейчас вы критикуете советскую власть за то, что она ведет борьбу против частнохозяйственных интересов, а в последние годы, когда она уступала этим интересам, вы ее бранили за перерождение, за отщепенение рабочего класса на второй план в интересах богатейшего крестьянства. Когда вы были правы?

О т в е т: — Как мы уже указали выше, честное соглашение с крестьянством наша партия всегда считала основной задачей революции. Все постановления партии всегда стоят на этой позиции. По-

этому, мы никогда не считали уступки частнохозяйственным интересам крестьянства проявлением перерождения. Обвинения советской диктатуры за ее уступки крестьянству в «измене октябрю», в «мелкобуржуазном перерождении», которые так упорно выдвигают против сталинизма троцкисты всех оттенков, никогда не были позицией нашей партии.

В периоды утопической политики диктатуры, мы всегда требовали соглашения с крестьянством, в периоды уступок крестьянству — мы критиковали советскую власть за недостаточность и противоречивость этих уступок и, главное, за то, что эти уступки, делаемые в условиях бесправия трудящихся города и деревни, не обеспечивают сохранения основных социальных завоеваний революции. Перерождение же мы видели не в уступках крестьянству, а во все усиливающейся тенденции диктатуры опереться на верхние слои служилого сословия и города и деревни при сохранении общего бесправия населения. Эта тенденция ни в какой мере не делается менее угрожающей из-за того, что сейчас советская власть, в интересах укрепления диктатуры, вступила в борьбу с одним из богатейших слоев деревни.

Одни вопросы продиктованы критикой справа, другие — левыми настроениями. Но в них общее то, что они не в полной мере принимают ту основную перспективу русской революции, из которой в своей политике исходит наша партия.

Без широкого революционного движения в основных капиталистических странах русская революция не может завершиться, как революция социалистическая. С другой стороны, если русская революция завершится восстановлением частного капитализма в индустрии и «черным переделом» в деревне, то это будет означать во всяком случае политическую контрреволюцию и социальный регресс, если не хозяйственный распад и политический маразм на десятилетия. Но если русская революция закончится соглашением рабочего класса и крестьянства, если будет обеспечено сохранение в индустрии преобладания государственного хозяйства, а в сельском хозяйстве преобладание свободной коллективизации, политически же власть будет осуществляться крепкой коалицией пролетариата и крестьянства, — то это будет означать, что революция закончилась величайшей победой трудящихся. Именно за такой исход русской революции и ведет борьбу русская социалдемократия.

ГРИГОРИЙ АРОНСОН.

Бодрые вести с берегов Вислы

(После муниципальных выборов).

1.

Вся общественно - политическая жизнь современной Польши складывается сейчас главным образом под знаком внешней политики. Перед лицом военной катастрофы, которую несет на своих штыках международный фашизм, — наследники Пилсудского, правители современной Польши, вынуждены медленно и зигзагообразно, — но весьма радикально переориентировать свою политику. Звериный оскал гитлеризма, рассматривающего центральную и восточную Европу, — если не весь мир, — как самой судьбой уготованную для него добычу, не мог не породить глубокого кризиса традиционно - нейтралитетской позиции польской дипломатии,

— а поразительный пример порабощения чехов железной пятой «протектората» не мог не толкнуть Польшу в сторону сближения с западными демократиями — с одной стороны и даже с СССР — с другой. Так произошло, что даже весьма реакционно-настроенные круги Польши под давлением обстоятельств вынуждены были повести определенно-прогрессивную внешнюю политику, — тем самым в известной мере — против собственной воли — поощряя и укрепляя внутри страны демократическую и социалистическую оппозицию, добивавшуюся уже давно нового курса в области международных отношений. Эта тенденция развития получила особенно яркое выражение во время последних муниципальных выборов.

2.

Сложный узел внутри-польских отношений упирается в три центральных проблемы: в крестьянский вопрос, в вопрос межнациональных отношений и в еврейский вопрос. Может быть, наиболее запутанным и полным всяческих сюрпризов является вопрос о взаимоотношениях на кресах и в Галиции, где национальные моменты, особенно украинский вопрос, испытывают на себе давление различных скрецающихся факторов, — в частности международного значения. Надо признать, что не только правящие круги, но и влиятельные круги оппозиции грешат известной недооценкой значения этих проблем. Если от политики «Озона» и других реакционных групп и не приходится требовать понимания важности всей задачи укрепления межнациональных отношений в Польше и способности практически осуществить такую задачу, — то иначе обстоит дело для оппозиции, которая не только в плоскости принципов и программы должна провозгласить солидарность интересов поляков с украинцами и белорусами, но должна показать на убедительном языке социально-политической практики, — что она — верный друг трудовых крестьянских элементов разнорациональной Польши. Такова одна из важнейших актуальных задач оппозиции, и нет сомнения, что этот вопрос получит в самом близком времени свое полное и конкретное признание...

В сравнении с вопросом о «кресах» (окраинах) надо сказать, что значение и крестьянского, и еврейского вопроса вполне усвоено оппозицией. Политический сдвиг в самых широких кругах польского общества, — среди крестьян, рабочих и интеллигенции, — получающих свое оформление именно на крестьянском и еврейском вопросах, — наблюдается уже в течение нескольких последних лет, — примерно с 1935-36 гг. Наростающая фашистской опасности придало закал оппозиционным настроениям, содействовало усилению социалистической окраски оппозиционных движений, — но активность и энергия политической борьбы оппозиции стимулировались органическими потребностями внутреннего развития страны, — на пути которых понаставила свои бесчисленные препятствия правящая реакционная партия.

За эти последние годы крестьянство вновь стало перворазрядным фактором политической борьбы. Ведь не следует забывать, что Польша до сих пор остается преимущественно аграрной страной. Свыше 17 милл. человек живет от сельского хозяйства, при этом до 65% всех земледельческих хозяйств страдает от острого малоземелья, выделяя огромную массу «избыточного» населения, не находящего себе применения ни в деревне, ни в городе. Нищенские условия существования громадного большинства крестьян вопиют о необходимости серьезных аграрных реформ, которых Польша еще до сих пор не осуществила. И этой острой социальной нуждой питается крестьянское движение в стране, впадая в русло борьбы за демократию, где оно сталкивается со встречным потоком социалистического рабочего движения. Последние муниципальные выборы с большой яркостью рисуют картину роста и влияния рабочего класса и социалистической партии в Польше. Но они также свидетельствуют о заметном повороте в сторону социализма и демократии средних классов и интеллигенции.

И, быть может, наиболее показательным к характеристике этого поворота является активное желание со стороны весьма широких групп польского общества высвободиться от гипноза антисемитизма, который сверху искусственно навязывали «среднему поляку», как всеисцеляющий рецепт от внутренних и внешних бедствий. Правительство, опирающееся на «Озон» и на народových

демократов в этом вопросе, все еще продолжает прежнюю тактику, — правда, после погромов 1936-го года стремясь преимущественно насаждать более «культурные» формы антисемитизма, но все же действуя по-прежнему методами каждодневного ущемления и преследования еврея — в человеке и человека — в еврее. Но новое, что сейчас бросается в глаза в современной Польше, — это энергичные выступления против всех разновидностей юдофобства не только польских социалистов и рабочих, но и многообразных корпораций интеллигенции, — профессоров, врачей, инженеров, писателей и пр., — в частности кампания протеста польской интеллигенции против введения еврейских скамей («гетто») в университетских аудиториях. Если печальная особенность Польши в области еврейского вопроса заключалась в том, что там, — в противоположность дореволюционной России, — правительственный антисемитизм дополнялся антисемитизмом общественным, — то сейчас, в последние годы, мы присутствуем при положении, когда этой позорной традиции, быть может, наступает конец...

3.

По общему мнению, муниципальные выборы в Польше имеют исключительное политическое значение, — может быть именно потому, что выборы в Сейм прошли при бойкоте оппозиции, и что, следовательно, Сейм даже с точки зрения самого правительства может очень слабо представлять страну. В самом факте допущения развернутой борьбы политических партий и сказавшись потребность власти, ведущей прогрессивную внешнюю политику, в какой-то мере посчитаться с настроениями населения. Еще неясно, получит ли этот учет дальнейшее выражение, и удастся ли оппозиции после крупной муниципальной победы сделать следующий шаг и одержать победу на общегосударственной арене, — в решающей схватке в борьбе за власть. Но независимо от вопроса о непосредственных последствиях проведенной в польских городах избирательной кампании, ее политическое значение огромно для всей внутренней жизни страны. Достаточно для этого иллюстрировать центральный момент этой кампании: победу социализма на выборах, которая выдвинула П.П.С. на место второй партии в Польше, на место претендента на власть в стране (при этом первое место сохранено за «Озоном» весьма ответственными методами и весьма прозрачными ухищрениями правительственных кругов); — и эта же победа закрепила за Бундом положение первой партии в еврейской курии. Итоги муниципальной кампании, подведенные Вл. Якубовским в газете «Дзеник Людовы», с полной отчетливостью обосновывают это положение.

Вот некоторые цифры. В крупных городах с населением свыше 100 т. душ — П.П.С. и Бунд собрали 36,4% всех голосов (за П.П.С. голосовало 826 тыс. и за Бунд — 339 тыс.). В городах среднего калибра с населением от 50 до 100 тыс. социалисты собрали 38,9% всех голосов (за П.П.С. голосовало 202 тыс., за Бунд — 60 тыс.). В следующей группе городов с населением от 25 до 50 тыс. социалисты собрали 31,5% всех голосов (за П.П.С. голосовало 227 тыс., за Бунд — 49 тыс.). Вл. Якубовский составил таблицу о результатах выборов по 47 городам с населением свыше 25 тыс. душ. Из этой таблицы явственно видно, что социалисты прошли на первом месте по всей городской Польше: П.П.С. и Бунд собрали 35,8% всех поданных голосов, — в то время, как «Озон» получил 29,2%, Эндеки — 19,8%, Еврейские партии (без Бунда) — 8,9% и т. д. Если взять по этим городам абсолютное число голосов, то окажется, что П.П.С. получила 1.255 тыс., а Бунд —

448 тыс. На основании этих данных Вл. Якубовский приходит к следующему выводу: «Не будет преувеличением, если мы установим, что в свете выборных итогов П.П.С. оказалась партией, располагающей наибольшим доверием граждан. Если мы прибавим к этому результаты, достигнутые Бундом, то мы должны констатировать огромную победу социалистических партий».

4.

Победа Бунда на последних муниципальных выборах не вызвала никакого удивления, т. к. она была властно подготовлена всем ходом развития еврейской жизни в Польше за последние годы. Уже в 1936 г. на муниципальных выборах в Лодзи, а затем на выборах в еврейские общины во всех крупных городах (Варшава, Лодзь, Белосток, Вильно и др.) Бунд оказался, можно сказать, идейным гегемоном еврейской общности, оставив далеко за собой ортодоксов, сионистов всех оттенков и другие буржуазные образования. С тех пор, — поворотный пункт в новейшей истории польского Бунда можно датировать 17 марта 1936 г., когда ему удалось организовать и возглавить всееврейскую национальную забастовку протеста против погромов, а затем солидарно с деятелями польского рабочего движения начать планомерную акцию борьбы с антисемитизмом, — не только еврейские рабочие, ремесленники и служащие, но и широкие круги интеллигенции, мелких буржуа и бедноты стали видеть в социалистической партии еврейского пролетариата — борца за свои политические и национальные права. Популярность и политическое влияние Бунда продолжали расти с 1936 г. дальше — до последних муниципальных выборов, когда Бунду, объединившему в своих списках кандидатов и Совет профессиональных союзов, удалось оттеснить на задний план и в сущности разбить на голову все остальные без исключения еврейские партии, — как буржуазные, так и социалистические.

Было бы самообольщением считать, что Бунд перетянул на свою сторону большинство еврейского населения своей положительной программой социализма и демократии. Еще время не пришло, чтобы «все евреи стали социалистами». Но победе Бунда усиленно помогали все его противники, всей своей деятельностью как нарочно скомпрометировавшие себя в глазах народных масс. Ведь достаточно сказать, что в обостренную полосу борьбы с антисемитизмом и за права евреев в Польше сионисты (особенно этим прославились И. Гринбаум и Вл. Жаботинский, а также один из вождей Гистадрута Бен-Гурион) в один голос с отъявленными антисемитами из «Озона» проповедывали, что евреи — завтрашние эмигранты, что «миллион евреев — лишние в стране», и вели переговоры с этими самыми антисемитами о различных, хотя и фантастических, но преступных с точки зрения интересов польского еврейства планах эвакуации и эмиграции. Уже после крушения последних надежд на Палестину Вл. Жаботинский (к сведению русских демократов, принимающих его за своего!) выступил в Варшаве с заявлением, что «в важнейших странах еврейской нужды нашими союзниками являются правительства, а не народные массы» («Момент», от 3 июня).

Неудивительно поэтому, что не только еврейские социалисты, но что и «средний еврей» воспользовался муниципальными выборами, чтобы ясно сказать, что он думает о сионистах. Если мы возьмем цифровые итоги выборов, то с первого взгляда нас поразит, что Бунд получил 448 тыс. голосов, а его противники — 424 тыс. голосов. Но не следует забывать, что Бунд шел на выборах против всех остальных партий, которые выступали то в числе «5-ти партий» (Агуда, сионисты, поалэй-

сион, фолкисты, территориалисты), то в качестве двух блоков: консервативно-сионистского и либерально-сионистского. И тем не менее Бунд прошел против всех в качестве 1-ой партии в еврейской среде и в качестве 4-ой по силе партии по всей стране. В крупных городах с населением свыше 100 тыс. душ Бунд собрал 339 тыс. гол. против 240 тыс., полученных всеми остальными еврейскими партиями. В следующей группе городов с населением от 50 до 100 тыс. — Бунд собрал 60 тыс. против 40 т., полученных всеми остальными партиями. И лишь в третьей группе мелких городских пунктов, где политическая жизнь мало дифференцирована, куда «еще не дошли» ни слава Бунда, ни бесславье сионизма и ортодоксов, — там все остальные партии получили больше Бунда: 144 тыс. против 49 тыс., полученных Бундом. Таковы цифровые итоги.

Политический же резонанс победы, одержанной Бундом, гораздо ярче сухого языка цифр. Вот в варшавском «Гайнте» подводит один из итогов муниципальных выборов сионист Индельман: «Картина выборов свидетельствует, — пишет он, — о глубоком упадке национального самосознания широких еврейских слоев и — скажем открыто: это в первую очередь крупный провал сионизма и сионистских партий». Другой сионист, сейчас перешедший к ревизионистам, д-р Готлиб уже после первых побед Бунда призадумался над вопросом об их причине и еще в 1936 г. («Момент», от 30 сент.) писал по этому поводу: «Социализм унаследовал место либерализма, и когда евреи оглядываются вокруг, они видят, что нет на свете иного, кроме социализма, политического направления, которое относилось бы корректно к евреям, которое распространяло бы на евреев принципы права и равенства. И если евреи всех словес идут выбирать, они должны лицом стать к социализму и отдать свои голоса либо прямо социалистам — не евреям, либо тем кандидатам — евреям, которые состоят в близких товарищеских отношениях с социализмом». Это вынужденное, меланхолическое признание из уст противника-социалистоеда говорит о реальных тенденциях в еврейской народной жизни больше иных цифр. В заключение будет уместно привести тот итог побед, одержанных Бундом, который приводит нью-йоркский «Форвертс», обычно довольно сдержанный в своих отзывах о польском Бунде. В номере от 9 июня с. г. мы читаем по поводу муниципальных выборов: «Бунд не только стал авангардом тех сотен тысяч еврейских рабочих, которые организованы в Совете проф. союзов, но и широкой, серой, мелкобуржуазной массы. Бунд сейчас является не только самой сильной еврейской партией в Польше, но он репрезентирует большинство (разрядка газеты) всего еврейского населения страны».

„Мировой Большевизм“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

5te d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.
176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

В. АЛЕКСАНДРОВА.

„Трибуна противнику!“

Художественной литературой в Советском Союзе сейчас недовольны решительно все: начальство, критики, читатели и сами писатели. Это недовольство и послушно толчком для ряда совещаний президиума советского союза писателей с «активом», общегородских писательских конференций в Ленинграде и Москве, имевших место нынешней весной. И хотя прав В. Шкловский, видящий главный порок в том, что «мы разучились говорить правду друг другу», — высказывания эти представляют несомненный интерес.

Разным по своему удельному весу и значению высказываниям обще одно: смутное, но сильное ощущение: так дальше нельзя! «Страшный своей настойчивостью сорняк» — казенщина, аллилуйщина, буйной лебедой разросшаяся на всех участках литературы и журналистики — грозит задушить самые жизнеустойчивые побеги новой культуры. И в каком-то, до конца не осознанном, порыве представители этой культуры, отвесив положенное число поклонов по адресу благодетельного «отца народов» и созданного им мудрого порядка вещей, по своему перефразируют сказанное когда-то Горьким: «Нехорошо на Руси, господа!».

Не нужно, конечно, обольщаться насчет силы оппозиционных настроений на верхах советского общества. Но нельзя, учитывая реальную обстановку, недооценивать их значения. Советские Пришибеевы могут, впрочем, быть спокойны: политически эти оппозиционные настроения совсем не оформлены, да вряд ли в условиях диктаторского режима они смогут оформиться. Но они есть, и одно это уж знаменательно.

Единственной отдушиной для выражения недовольства является пока, как и встарь, художественная литература. Здесь под таинственным покровом заумных дискуссий вокруг «социалистического реализма» и разыгрываются главные бои.

Невеселы дела литературные. Покровительство «оборонной тематике» привело к расцвету низкопробной «кузьма-крючковщины», которую по компетентному свидетельству Валентина Катаева «просто читать противно». «Пафос нашей великолепной действительности» под пером лакировщиков частенько смахивает на «анекдот». «Незаметные советские люди», на которых 2 года кряду выезжали писатели, возроптали на своих творцов и один из них, сельский учитель Гришаев (молодой педагог советской формации) прислал в редакцию журнала «Октябрь» письмо в стиле чеховского желчевика, в котором обозвал большинство советских писателей «круглыми невеждами, карьеристами, замаскированными обывателями, темными, но хитрыми приспособившимися дармоедами». И читатели, и писатели устали от «бутафорского целомудрия литературы», которое, увы «не уменьшает количества свинства в жизни, а увеличивает таковое», хочется людям поближе взглянуть в приусадебное хозяйство в душу (Виктор Финк).

Распад генеральной темы о строительстве пятилетки, начавшийся еще в 1935 году (и тогда отмеченный на страницах «С. В.»), сейчас закончен. Распалась «цепь великая» на бесчисленное количество маленьких звеньев. Пишут писатели — кто в лес, кто по дрова, но редко о том, что единственно интересно: чем они сами дышат, чем живут их близкие, над чем мучаются.

Но есть и другой феномен: чем дальше от взоров недреманного ока начальства, от «социального заказа эпохи», от столбовых, магистральных путей и укатанных автострад, тем свежее произведение писателя, тем осязательнее слабое, но всамделишное биение живой жизни с ее подлинными заботами, думами и страстями.

Так «в тени титанов» выросло творчество Влад. Козина («Рассказы о просторе») — маленькие новеллы настоящего мастера с фразой короткой и емкой, как у Зощенко и Бабеля, где просторно мысли и чувству. Вначале казалось, что рассказы эти о советских служащих, заброшенных судьбой в азиатскую пустыню, в скотоводческий совхоз, при всей несомненной талантливости их автора, не найдут массового читателя, да и читатель у них будет специфический, тот, кто еще помнит молодую интеллигенцию дореволюционного периода, эту особую формацию русской жизни из недоучившихся студентов и курсисток, которых так хорошо умел живописать Чехов. Советские служащие Козина — зоотехник Кулагин, его начальник Метелин, их жены — кажутся слепком с этих людей; войдя в скромное их обиталище, так и ждешь, что со стены глянут на тебя неприменные Толстой, Чехов и Леонид Андреев и еще открытка-репродукция с известной картины Ярошенко «Всюду жизнь». Но по мере появления новелл, особенно последних, из прошлой жизни главного героя Кулагина, видишь, что люди Козина найдут путь к сердцам многих читателей, ибо они дети подлинных труженников, которые, хотя и были оглушены «ураганной идеологией», как влагу в пустыне, сберегли неписанные традиции русской демократической интеллигенции. Ранняя юность их совпала с юностью революции, на всю жизнь хлебнули они тогда вольного и дерзкого ветра, что гулял в стране и на всю жизнь пронесут они цельным и нерасплеснутым воспоминанием об этой неустойчивой юности в больших просторах начавшейся революции. Крепко любит их Козин (это и его юность!) и умеет заразить этим чувством своего читателя.

Этот читатель получил в этом году и другой подарок: «Путешествия Джонатана Свифта» Мих. Левидова. Романизированная биография эта ценна не только тем, что ее автору удалось очистить образ великого английского гуманиста и создателя Гуливера от наветов «друзей»-современников, обвинявших Свифта в человеконенавистничестве, Левидов сумел передать воздус Свифтовской эпохи, «эпохи холодного формализма, бездушного мастерства — в литературе, эпохи дискредитированных лозунгов, забытых идей, раздробленных идеалов, сгоревших эмоций — в общественной мысли», сменившей бурное время великой Английской революции.

Книга Левидова — одна из тех довольно редких книг, заглавие которых далеко не исчерпывает всего богатства их содержания. Это не только книга о судьбе одинокого борца «за мужественную свободу». Современник другой, кончающейся великой революцией, Левидов сумел углубить свой подход к Свифту до истинно-волнующей революционной проблемы об общественном поведении человека, убившегося в том, что итоги революции не оправдали великих надежд, возлагавшихся на нее. Свифт рано понял, что мощная волна революции, прокатившаяся по Англии в середине 17-го века, хотя и разрушила устои старого, феодального общества, не принесла освобождения народу. «История

внесла жесткий корректив» в чаяния революционных масс, все жертвы принесены были ими не на алтарь свободы, а лишь «во имя капиталистического общества, не нового, а лишь поработанного по-новому». Как ни один из современников, Свифт остро чувствовал: «нет, не освобожден человек» и один из первых принялся наново расчищать поле для новых семян в борьбе с пореволюционной, отдыхавшей от бурь революции и реставрации Англии. И хотя Свифт, «человек сурового негодования» был побежден в своей одинокой борьбе, он в написанной им для собственной могилы эпитафии призывал путника, который забредет на его могилу, следовать его примеру, если он это сможет.

Ну, а как же относится критика к таким произведениям? На то она и официальная критика, чтобы проходить мимо действительно революционных книг, в лучшем случае снисходительно хлопая по плечу писателя: недурно, мол, и для нас неопасно, ведь в книге изображен человек, разочаровавшийся в итогах буржуазной революции и в некотором роде он, значит, «свой парень». Будем откровенны: это лучше, чем если вещь попадет в центр официальной дискуссии!

Здесь уместно коснуться того воистину наболевшего вопроса об общественной критике, который и поставлен был в центре недавней оживленной дискуссии.

Суммируя все, что было высказано во время этих прений писателями по адресу критики, критик А. Гурвич на одном из собраний сказал, — иронически, конечно, — что из всех речей можно сделать только один вывод: все критики «нечестны, трусливы, беспринципны, перестраховщики и конъюнктурщики». Но «неужели можно допустить что среди советской интеллигенции мы представляем собой особую группу людей, которые сознательно условились работать хуже всех, ничего не видеть, не понимать, быть равнодушными и беспринципными? Или наличие таких свойств и толкает человека только на нашу профессию?» На этот, казалось, риторический вопрос аудитория ответила по-советски красноречиво: «смехом и аплодисментами».

Увы, на всех этапах революции действительно большой вопрос о свободной общественной критике подменялся вопросом о взаимоотношениях критиков и писателей. Так было и на этот раз. Взаимные попреки и обвинения по своей остроте своеобразно напоминают положение в деревне: каждый крестьянин в любом городском «начальстве» видит паразита. И

основной, открыто редко формулируемый, но эмоционально постоянно внушаемый читателю упрек писателей по адресу критики, сводится к одному: мы трудимся, творим, а они — критики — паразитируют на нашем труде. И в отместку писатели со своей стороны зорко следят за сменой настроений в руководящей политике, чтобы использовать ставшую «неверной» художественную оценку для дискредитации критиков.

По ряду причин с середины второй пятилетки до последнего времени роль критики оказалась сведенной на нет. О, это отнюдь не означает, что писателям, особенно тем, у кого есть «свой соловей» в голове, стало легче жить! Одна чистка рядов литературы от «троцкистов» и «врагов народа» с 1936 по 1938 год говорит об этом достаточно красноречиво. Но общественный авторитет критики свелся действительно к нулю. Между этим явлением и катастрофическим падением авторитета компартии в интимном сознании верхов советского общества существует несомненная связь. Вот почему «руководство» литературой, всегда искусно разжигавшее эту рознь, всегда сводившее большой вопрос об общественной критике к маленькому и кляузному вопросу о «взаимоотношениях» между писателями и критиками, сейчас решило осадить коня.

Литературная бюрократия на сегодняшнем этапе заинтересована в замирении существующих на верхах антагонизмов: Пусть не все советское общество, но верхи должны быть бесклассовы, они должны во-вне создавать иллюзию социальной гармонии. Таково было официальное задание, которое дано было организаторам дискуссии, и это задание без труда расшифровывается в речах руководителей литературной политикой.

Но, как часто бывает в советской практике, жизнь и здесь «регульнула» по-своему, смяв благочестивые предначертания. И, из-за корпоративного и в сущности мелкого вопроса о взаимоотношениях писателей и критиков отчетливо высунулась голова большой и решающей проблемы — проблемы действительной свободы, свободы творчества, свободы мысли, свободы слова. С искренней запальчивостью, может быть не отдавая себе самому отчет в значении поднятого им вопроса, говорил об этом все тот-же Гурвич:

«Здесь возникает интересный спор: вопрос о трибуне противнику. Когда идет интеллектуальный спор — дайте противникам скрестить шпаги. Дайте истинному герою истинную победу. Спор — восхождение по лестнице. Площадка будет за тем, кто достоин победы, но подниматься необходимо»...

ВИКТОР МАНДЕЛЬБЕРГ.

Новая английская политика в Палестине

С утверждением 24-го мая 1939 г. английским парламентом «белой книги», внесенной министром колоний Малькольмом Макдональдом (сыном Рамзея Макдональда), английская политика в Палестине совершает резкий поворот в 180 град., — и правильно вся пресса говорит о новой английской политике в Палестине. Читателям «Социалистического Вестника» будет интересно и полезно познакомиться с причинами этого поворота, некоторыми характерными деталями его и... его устойчивостью.

В свое время, после доклада королевской комиссии Пиля, предложившего английскому правительству разделить Палестину на два отдельных государства: еврейское и арабское, — я ознакомил читателей «Социалистического Вестника» (№ 19 за 1937 г.) с этим проектом и указал, насколько это было бы полезно рабочему движению в Палестине. К сожалению, не только арабы, но и многие еврейские организации отнеслись к проекту раздела резко отрицательно. И притом не только наши фашисты толка Жаботинского (называемые у нас ре-

визионистами), не только правоверные сионисты толка Усышкина; и среди рабочей партии нашлись многочисленные противники во главе с одним из редакторов партийного органа «Давар», Берлом Канеиельсоном: противники не соглашались уступить арабам, «захватившим» «нашу» землю, ни пяди ее. Не сомневаюсь, что сейчас многие из них, оставшись у корыта макдональдовской «белой книги», жалеют о проекте Пиля, ибо нельзя исключить предположение, что английский правительствo пришло к нынешней «белой книге» лишь после того, как явно недружелюбный прием, оказанный предложению королевской комиссии Пиля и арабами, и евреями, заставил его искать новых путей успокоения Палестины.

Как бы то ни было, после неудачи комиссии Пиля, политическая атмосфера в Палестине сильно изменилась. Начался арабский террор: Джанин, маленький арабский городок в горах, объявил войну Лондону. Произошли сильные международные сдвиги и осложнения, — и, верный своей реалистической политике, Чемберлен решил и палестинскую политику Англии, исходящую или, вернее, еще не успешно отказавшись от бальфуrowsкой декларации, перевести на реалистически е рельсы.

Ему в данный момент необходим мир в Палестине; ему, в виду серьезности международного положения, очень невыгодно озлоблять против Англии арабов и магометан, — и потому, в споре между евреями и арабами, ему выгоднее идти с арабами, чем с евреями: реализм требует перемены фронта. Обещания, декларации, — все это вещи, которые можно всегда толковать, как того требует данный момент. Для такого, не совсем благородного дела Чемберлен нашел очень подходящего человека: М. Макдональда. М. Макдональд из молодых, да ранний. В бытность его отца премьером, он оказал евреям большие услуги в деле ликвидации вредного влияния тогдашней «белой книги», внесенной министром колоний Пасфильдом (Веббом). М. Макдональд помог тогда евреям получить известные письма премьера Р. Макдональда к Хаиму Вейцману, успокоившие евреев. Еврейские лидеры сохранили о нем хорошие воспоминания и хорошо к нему относятся. Макдональд решил использовать это отношение. Он полагал, что ему удастся уговорить евреев, — а что касается того, что он сам при этом резко менял фронт, то, по видимому, в семье Макдональдов это не останавливает; очевидно, эта способность наследственно передается от отца к сыну. Он решил созвать конференцию, усадить за круглый стол евреев, арабов, и англичан. Евреи не хотели идти на конференцию, где стоял вопрос о ликвидации бальфуrowsкой декларации, но Макдональд их уговорил, указав на то, как для него лично эта конференция важна; а они считали его своим другом. На конференции он скоро себя выявил, — и евреи с ним порвали.

Свои основные принципы в палестинском вопросе Чемберлен-Макдональд фиксировали в «белой книге», и парламентское большинство их приняло. Правда, эта победа Чемберлена - Макдональда — Пиррова победа; еще одна такая победа, и Чемберлен может оказаться в меньшинстве. Ибо, если прибавить к числу голосовавших против голоса воздержавшихся, то окажется, что лишь меньшинство парламента принимает принципы «белой книги».

Какие же директивы для новой английской политики устанавливает «белая книга» Макдональда - Чемберлена? Они таковы:

Палестина должна стать независимым арабским государством. Чтобы гарантировать это арабам, устанавливается, что число евреев в Палестине

не должно превышать одной трети населения. А для этого иммиграция евреев в Палестину должна быть ограничена — и совершенно приостановлена, когда их число дойдет до трети населения. Чтоб не дать евреям захватить экономически страну путем скупки земель, — ограничивается и регулируется право покупки евреями земель у арабов. Таковы основные принципы, провозглашаемые «белой книгой». Дальше идут детали: когда, в какие сроки, а главное, при каких условиях произойдет отказ Англии от мандата и провозглашение полной независимости арабской Палестины; как составить Учредительное Собрание в Палестине; сколько должно быть министров-евреев и т. п., — все это детали, не только для того, чтобы подсластить евреям пилюлю, но, что особенно важно, чтоб дать Англии возможность и «законное» право, если она это найдет нужным, сохранить за собой всю власть в Палестине и вообще превратить независимость арабской Палестины в мыльный пузырь.

Но в принципе «белая книга» есть капитуляция перед террористами, ибо это их принципы. И хотя муфтий, организатор террора, попрежнему бойкотируется английским правительством, но идеологически «Джанин одержал победу над Лондоном». Принципы эти, если-б они были проведены в жизнь, означали бы полную ликвидацию всех чаяний и надежд сионизма, и не только сионизма, но и просто палестинцев. Фиксируя навсегда число евреев в одну треть населения, они фиксируют политическую подчиненность евреев арабам; они фиксируют для евреев в Палестине ту же участь, какую они имеют во всех других странах «голуса». Макдональд много говорит о гарантиях против насилия арабского большинства; по поводу ценности этих гарантий евреи указывают на то, что ассирийцам, недавно перерезанным арабами, тоже были даны гарантии.

Как бы то ни было, не только сионисты, но и почти все евреи во всем мире этой новой английской палестинской политикой сильно взволнованы и отброшены от Англии. Интереснее всего, что симпатии и дружбы арабов, ради которой Чемберлен с евреями — несомненно, нехотя — решился на разрыв, он так и не получил. Скорее наоборот: арабы ясно видят, что Англия дала им «белую книгу» не из любви к ним, не из симпатии, — а под давлением их террора, их бунта; и в них крепнет искренняя, глубокая благодарность тем, кто им в этой борьбе с Англией помогал и без помощи которых все их движение заглохло бы в несколько недель, а не длилось бы больше трех лет. За эти три года популярность помогавших им держав «оси» (Германии и Италии) сильно возросла, и если Италия сейчас с захватом магометанской Албании несколько потеряла в популярности, то симпатии к Германии очень сильные, и ей арабы благодарны за «белую книгу». А от Англии их еще больше отделяет пролитая в борьбе с террором кровь. И в Палестине реалистическая политика Чемберлена пока ему дала только очень реальные потери: евреев отбросила, а арабов не привлекала. А что касается успокоения Палестины, то новая политика положение во много раз ухудшила.

Всякому, хоть немного знакомому с палестинской действительностью, ясно, что никакого успокоения новая политика в Палестину не внесет, ибо ее принципы — не компромисс между двумя борющимися силами, а полная, пока лишь идеологическая, победа принципов, провозглашенных муфтием. Правда, эти принципы провозглашены для будущего; сейчас никаких сдвигов еще не произошло. Но провозглашением этих принципов евреи вовлечены в борьбу. Евреи хорошо орга-

низованы, они много выше арабов в культурном отношении, они много сильнее экономически, на их стороне помощь евреев всего мира, а главное: то, за что они борются, настолько для них серьезно: то, за что они борются, настолько для них серьезно: то, за что они борются, настолько для них серьезно, что они этой борьбе отдадут все, чего она потребует. Они понимают, что им грозит судьба полного политического и экономического закрепощения менее культурному большинству, им враждебному и их боящемуся. На их стороне общественное мнение не только всех демократических стран, но, как показывает голосование «белой книги» в парламенте, и Англии. И потому есть много оснований полагать, что в Англии скоро убедятся, что новая анг-

лийская политика никакого успокоения принести не может, и будут искать новых путей.

При настоящих отношениях между арабами и евреями их нельзя засадить в один мешок, с'организовать в одно государство. Чтобы создать умиротворение более или менее устойчивое, более или менее продолжительное мирное сожительство, необходимо разделить их, необходимо создать два отдельных государства. Условия, размеры — все это детали, относительно которых можно и нужно будет прийти к соглашению, но необходимо исходить из этого основного положения. При данных условиях вне его не может быть в Палестине успокоения.

В Рабочем Социалистич. Интернационале

Ф. ДАН.

Нелегальные времена

В сессии своей, имевшей место с 14 по 16 января текущего года в Брюсселе, Исполком РСИ, после годовой проволочки, сделал наконец попытку поставить на свое обсуждение проблему борьбы за демократию и мир в нашу эпоху, т. е. формулировать и систематизировать программные задачи Социалистического Интернационала и принципиальные основы его стратегии и тактики.

Попытка эта окончилась неудачей. Наиболее крупные и влиятельные партии Интернационала, сохраняющие свою «легальность» и имеющие возможность оказывать непосредственное воздействие на политику своих правительств и даже участвовать в правительствах, а то и возглавлять их, не пожелали широко развернуть и довести до конца дискуссию: «отвлеченному теоретизированию» и «бесплодному умствованию» они предпочли инерцию эмпиризма и «государственно-политической» практики. Они не пожелали искать, вместе с пишущим эти строки и его единомышленниками в самой социально-политической действительности и в собственной политике своей тех непрерывно нарастающих тенденций, которые, и помимо их воли и сознания, все настойчивее пробивают себе путь и создают основу — не для словесного, а для реального «синтеза», все больше объединяющего в высшем, принципиальном единстве деятельность и политику в с е х отрядах международного пролетариата вопреки видимому резкому различию условий и методов работы отдельных партий РСИ, — партий «нелегальных», уже сейчас вынужденных вести свою борьбу за демократию и мир в формах революционных, и партий «легальных», имеющих возможность вести ее попрежнему в «органических» формах использования политической свободы и демократического парламентаризма; они предпочли провозгласить наличие непроходимой пропасти между революционными установками нелегальных партий и реформистскими легальных, т. е., по существу, объявить искусственным объединение их в одном Интернационале — положение, в своем логическом развитии неизбежно приводящее к взрыву всех основ международной социалистической солидарности и международного социалистического объединения.

Объявив нелегальные партии «мертвыми», а себя единственно «живыми», наши английские, шведские, норвежские, датские и группирующиеся вокруг Де-Мана бельгийские товарищи (т. Бюзе и его единомышленники в бельгийской партии держатся иного мнения) и са-

мое попытку внести принципиальную ясность в программные и тактические проблемы международного социализма объявили измышлением «мертвецов», лишенных возможности вести практическую политику и не обремененных ответственностью (ибо и «практическая политика», и «ответственность» понимаются ими исключительно в их парламентском обличье), а потому склонных занимать внимание Интернационала теоретизированием: умаление, а то и полное аннулирование «решающего» участия нелегальных партий в определении политики Интернационала стало их «ближайшей целью», которую они, как известно, в значительной мере и осуществили в сессии Исполкома, заседавшей в Брюсселе 14-15 мая.

Но беда этих «живых», но близоруких социалистов не в том, что нелегальные партии не дают им покоя, а в том, что покоя не дают им «нелегальные» времена, что самая эпоха, в которой им приходится действовать, чревата военными и революционными катастрофами, что в катастрофах этих будут стоять перед всеми партиями Социалистического Интернационала — «живыми» и «мертвыми» одинаково! — не дробные, частные и «органические» проблемы реформирования существующего социального и политического строя, а проблемы революционной смены одного, капиталистического, общественного уклада другим, социалистическим.

Было бы преступным сектантством со стороны партий, по самому нелегальному положению своему особенно восприимчивых к пониманию революционных перспектив эпохи, отрицать на этом основании закономерность тех политических форм, в которых только и могут сейчас действовать и бороться партии легальные, или недооценивать громадность положительных достижений, реализуемых этими партиями (напр., скандинавскими) в «органических», парламентских формах, не искать тех «синтетических» методов сотрудничества с ними, о которых сказано выше. Но не менее преступной, с точки зрения грядущих исторических судеб демократического социализма и его шансов на победу, является идейно-политическая ограниченность, позволяющая кое-каким «легалистам» возводить каменную стену между собою и «нелегальными» партиями и снимать с порядка дня интернациональных учреждений те революционно-социалистические проблемы, которые, однако, все с возрастающей настойчивостью ставит и будет ставить в порядок их собственного политического дня самый ход событий. И в этом отношении особо роковую роль может сыграть в судьбах демократического социализма тот традиционный эмпиризм, который составляет историческую особенность британской Рабочей Партии и который порождает такое кричащее противоречие ме-

жду гигантским ростом ее мощи и значения и застойною убожеством ее политической мысли.

Можно понять относительную правомерность того «легалистского» эмпиризма, к которому склоняется большинство скандинавских партий и особенно рьяным застрельщиком которого оно является в рядах РСИ. Эти партии являются представительницами рабочего класса стран, пребывающих на окраинах капиталистического мира и потому не только сравнительно мало затронутых его разложением, но еще и в самых процессах этого разложения подчас находящихся (как это было и во время войны 1914-18 года) известные элементы собственного под'ема и собственных успехов; стран, стоящих в стороне от столбовой дороги истории и потому имеющих некоторые шансы отсидеться в бесте «нейтралитета» не только от грядущих военных катастроф, но и от грядущих катастроф революционных; стран, могущих поэтому так или иначе надеяться — именно на фундаменте социальной революции пролетариата в решающих странах капиталистического мира — довести до благополучного конца свою «органическую», реформистскую эволюцию от капитализма к социализму.

Но именно потому, что скандинавские партии — партии окраин капиталистического мира, их легалистский эмпиризм не только относительно правомерен, но и сравнительно безвреден. И совсем другое дело тот же легалистский эмпиризм британской Рабочей Партии, — партии страны, которая стоит и будет стоять в самом центре мирового развития и организованный социализм которой и в бурях военных и революционных катастроф будет важнейшим, быть может, решающим звеном международного рабочего движения! Неспособность такой партии поднять свою политическую мысль до уровня гигантских задач, стоящих перед международным социализмом, легалистский эмпиризм такой партии может оказаться в решающие минуты роковым для всего мирового рабочего движения, ибо он означает на деле не что иное, как решимость британской Рабочей Партии звать английский рабочий класс и в процессе подготовки его к грядущим военным и революционным битвам, и в ходе самих этих битв, когда они начнут потрясать европейский континент, а затем и весь земной шар, — к отступлению с интернациональных позиций на позиции «свояшного национализма». Вот почему нынешнюю линию английских товарищей в РСИ нельзя расценивать иначе, как пролог к такому-же распаду Интернационала, какой был пережит в прошлую войну, и как практический приступ к ликвидации РСИ, жизненной основой которого Гамбургский учредительный съезд — именно в предотвращении повторения печального опыта 1914-18 гг. — признал (знаменитые «Мартовские» пункты устава!) суверенитет интернационально-социалистической политики над национальной политикой отдельных партий и решающую роль Интернационала не только в период мира, но и в период войны.

Но, как бы то ни было, совместными усилиями англо-скандинавского блока было достигнуто снятие с порядка дня РСИ всех проблем более или менее принципиального порядка. Это снятие не могло ни предотвратить, ни прикрыть глубокого кризиса Интернационала, вызываемого несоответствием его работы и его «идеологии» повелительным требованиям исторического момента: оно, наоборот, чрезвычайно обострило кризис, сделало его явным и в то-же время придало ему не принципиальные, а организационные, отчасти даже личные и во всяком случае самые неприглядные формы; оно на деле политически уже парализовало и выхолостило Интернационал. После пресловутого январьского заседания, похоронившего обсуждение проблем борьбы за де-

мократию и мир, 26 марта заседало Бюро РСИ, 14-15 мая и 17-18 июня Бюро и Исполком РСИ. Всем известно, сколько событий величайшей важности произошло за эти 5 месяцев. Ни на одно из них РСИ не реагировал, если не считать более или менее трафаретных «испанских» резолюций. Все три упомянутых сессии Бюро и Исполкома были, как знают читатели из отчетов, целиком посвящены вопросам организационного и личного порядка, и поныне еще окончательно неразрешенным. Первым результатом «оздоровления» РСИ, предпринятого «живыми» партиями, оказалось его политическое омертвление: он погрузился как бы в состояние политического анабиоза.

Приходится задуматься над вопросом: неужели Социалистическому Интернационалу грозит такая-же смерть, какая стала уже уделом Интернационала Коммунистического? Или, иначе говоря: неужели первое дуновение военной бури еще более основательно разрушит международное социалистическое объединение пролетариата, чем оно разрушило его в 1914 году? Или объединение это рухнет само еще раньше, чем грянет буря?

Эти пессимистические перспективы отнюдь нельзя считать автоматически исключенными. Коминтерн, как международное объединение пролетариата, умер потому, что превратился из свободной классовой организации в бюрократическое орудие Сталинского единодержавия и его национально-государственной внешней политики. Демократически организованный РСИ так ою смертью умереть не может. Но превращение его в своего рода социалистическую Лигу Наций грозит ему тою-же смертью, какую на наших глазах умирает (если уже не умер!) его женеvский прообраз: смертью от прогрессивного паралича. Став ареной борьбы «национальных» политик, Социалистический Интернационал будет осужден на фактическое «невмешательство» в ход событий, либо будет взорван антагонизмом этих политик — и, прежде всего» антагонизмом между внешне-политическим и военным «активизмом» и изоляционистскими тенденциями к «нейтралитету» внутри того самого англо-скандинавского блока, который ныне так дружно и усердно «освобождает» международное рабочее движение от всяких революционно-социалистических перспектив. В катастрофическую, революционную эпоху своей истории международный пролетариат войдет в этом случае без социалистического руководства. Или еще хуже: добровольное самоустранение демократического социализма бросит его — через Коминтерн, подвоненный в своем престиже банкротством РСИ, — в объятия Сталинского самодержавия. На международно-пролетарской арене может повториться то, чему мы являемся свидетелями на арене внешне-политической, где исчезновение Чехословацкого бастиона, вызванное отталкиванием дипломатии демократических держав от революционно-социалистических перспектив и «большевизма», как раз и сделало Сталина суперарбитром Европы...

Таким образом, перспективу ликвидации РСИ, как действительного фактора международного рабочего движения в самый критический и решающий момент его истории, отнюдь нельзя считать автоматически исключенной. Но ее ни в коем случае нельзя считать и автоматически предрешенной. За РСИ, т. е. за руководящую роль демократического социализма в международном рабочем движении в ходе надвигающегося военного и революционного кризиса, надо бороться. «Незаконные» времена, в которые мы живем, создают предпосылки для такой борьбы и шансы для ее успеха и в рабочем классе тех стран, нынешнее партийное представительство которых яростно отбивается от непокор-

ной действительности, удар за ударом наносящей его обветшалым идеологическим и политическим традициям. И как раз отчет о последней сессии Исполкома, печатаемый в этом же номере, свидетельствует, что дух этих нелегальных времен опрокидывает все воздвигаемые на его пути барьеры и врывается и в тщательно очищенные от влияния «нелегальных» партий инстанции Интернационала.

Вся сессия Исполкома была, по существу, посвящена лишь одному единственному вопросу — вопросу о poste секретаря Интернационала, о сохранении на этом посту т. Адлера, занимающего его бессменно вот уже 16 лет, или о замене его другим лицом, а все прения вертелись, в свою очередь, вокруг порядка разрешения этого вопроса: должен ли он быть разрешен в связи и на основе обсуждения основных, принципиальных вопросов политики Интернационала, как того требовал в своем меморандуме сам т. Адлер, поддержанный многими другими членами Исполкома, или же, наоборот, без всякой связи с этими принципиальными вопросами, а в порядке технически-организационном, в порядке по видимости «а-политическом», а на деле означавшем новый и весьма решительный шаг к переходу от принципов интернационализма к принципам национального эгоизма, к закреплению превращения Интернационала в ухудшенное издание Лиги Наций, в информационное агентство, во что угодно, только не в орган объединенного руководства международным социалистическим движением?

В ходе прений сторонники голого эмпиризма были выбиты с их позиций. Они вынуждены были не только признать наличие крупных, принципиальных вопросов политики Интернационала, подлежащих обсуждению, но и единогласно предложить партиям высказаться, не следует ли созвать специальную конференцию для их обсуждения. Но они до конца боролись за полное отделение этих принципиальных вопросов от вопроса о выборе секретаря, справедливо полагая, что замещение т. Адлера каким либо «деловым» или «а-политическим» кандидатом создаст на деле положение, при котором никакие последующие «принципиальные» резолюции уже не смогут остановить неуклонного скатывания Интернационала к самоликвидации в качестве выразителя суверенитета идеи международного социализма над всеми национальными социалистическими партиями.

Резолюция британского делегата Уокера была последней попыткой добиться торжества этой «а-политической» политики. Эта попытка не удалась: 100 голосами против 78 при 16 воздержавшихся предложение Уокера было отвергнуто, причем против него были поданы все голоса Голландии и треть бельгийских, а в числе воздержавшихся оказалась Норвегия. Таким образом, перед лицом открытой постановки вопроса об основах деятельности Интернационала не смог сохранить своего единства тот блок реформистского эмпиризма и национального эгоизма, движущей силой которого был британско-скандинавский дуумвират. «Отсрочка» разрешения вопроса о замещении поста секретаря Интернационала означает не что иное, как «политизацию» этого вопроса: прежде, чем следующая сессия Исполкома приступит к его разрешению, всем партиям Интернационала придется обсудить проблемы, поднятые меморандумом т. Адлера, и вопрос о созыве международной конференции для обсуждения этих проблем.

Это никоим образом не значит, конечно, что проблемы эти будут разрешены в революционно-социалистическом духе, и что политика Интернационала повернет на пути, которые дадут возможность т. Адлеру сохранить свой пост. Откровенно говоря, мало есть оснований надеяться на такую благоприятную эволюцию РСИ

в ближайшее время, — если только самый ход событий не вызовет неожиданно быстрого поворота в настроении партийных масс, а потому и в политике руководителей партий. Но громадное значение скромной по видимости победы, одержанной на последней сессии Исполкома над ограниченностью эмпиризма и национализма, заключается в том, что она дает возможность предотвратить завершение кризиса Интернационала сползанием в тину междуусобицы «национальных» политик и организационных дрызг; что она открывает дорогу борьбе за идейно-политическое возрождение и выпрямление Социалистического Интернационала, за самосохранение демократического социализма, за его руководящую роль в рабочем движении эпохи, беременной военными и революционными потрясениями и в мучительных судорогах рождающей новый мир.

Задача организации этой борьбы ложится на плечи тех, кто сознает великий смысл и великое значение нашей эпохи. Пусть эти пионеры идейно-политического возрождения Социалистического Интернационала пребывают пока в меньшинстве, и пусть они кажутся «мертвыми» взору, затемненному бельмом эмпиризма и национализма: за них «нелегальные» времена, переживаемые всем миром, и им надо только опереться на этого несокрушимого помощника, чтобы идти на борьбу с полной уверенностью в конечной победе!

СЕССИЯ ИСПОЛКОМА РСИ.

18-го июня в Брюсселе под председательством т. Альбарда состоялось заседание Исполкома РСИ, на котором присутствовали: от Австрии Г. Рихтер, от Англии Даллас, Гиллис, Уокер; от Бельгии Бюзэ, Де-Блок, Де-Ман; от Венгрии Бухингер и Ж. Ронай (Группа «Вилагошаг»); от Германии О. Вельс; от Грузии Гварджаладзе; от Дании Гедтофт-Гансен, Якобсен; от Испании Кордеро; от Италии Ненни; от Люксембурга Гуммер; от Норвегии Финн Му; от Палестины Ярблум; от Польши: ППС Г. Либерман, М. Недзялковский, от Бунда Ф. Курский; от России Ф. И. Дан; от Франции Грумбах, Жиромский; от Швейцарии П. Грабер; от Швеции А. Фоухт. От Международного Женского Комитета А. Пельс; от Интернационала Молодежи Оленгауер. Кассир — Ван-Розбрук, секретарь — Ф. Адлер.

Заседание Интернационала было на этот раз посвящено исключительно внутри-организационным вопросам.

Перевыборы Бюро РСИ.

На основе майского решения Исполкома, точно определившего список стран, которые должны быть представлены в Бюро, Исполком утвердил, в согласии с предложениями, сделанными соответствующими партиями, окончательный список членов Бюро. Избранными оказались: Альбарда, Леон Блом, Отто Вельс, Э. Гергардсен, Гедтофт Гансен, В. Гиллис, Роберт Гримм, Генрик Де-Ман, Кето (Финляндия), Кордеро, Г. Либерман, Фикард Линстрем.

Административная Комиссия РСИ.

Эта комиссия состояла до сих пор из председателя, секретаря, кассира и бельгийских членов Экукутивы. Кроме того в нее входили, по избранию Исполкома, т. т. Де-Блок и Эрнест Пио, в качестве заместителя последнего. Исполком переизбрал всех перечисленных лиц, но постановил создать расширенную распорядительную комиссию, в которую должны входить кроме перечисленных членов еще три представителя, не живущие в Бельгии. Малая административная комиссия будет попрежнему заниматься текущими хозяйственными и административными делами; расширенная же комиссия должна собираться не реже одного раза в год, для того чтобы контролировать денежные отчеты и участвовать в выработке бюджета на следующий год. Расширенная комиссия может быть созвана и сверх того, каждый раз, когда это сочтет нужным Малая комиссия. На ближайший избирательный период в расширенную комиссию включены представители Франции, Великобритании и Скандинавии. Конкретные кандидатуры должны быть предложены к следующему заседанию партиями соответствующих стран.

Чествование Луи Де-Брукера.

Как известно, т. Де-Брукер сложил свои полномочия председателя РСИ в момент, когда ему исполнилось 70 лет. Заседание Исполкома РСИ еще раз высказало т. Де-Брукеру

свое глубокое сожаление по поводу его отставки и, желая сохранить как можно дольше возможность пользоваться его ценными указаниями, единогласно постановило приглашать его систематически на все заседания Исполкома.

Кассир РСИ.

Кассовый отчет за 1938 год был принят к сведению, и доклады кассира и секретаря были единогласно утверждены. Тов. Ван-Розбрук был единогласно переизбран кассиром, причем круг его задач был расширен. В то время, как он до сих пор был фактически только ревизором, в его ведение отныне переходит вся кассирская деятельность в полном объеме. Задачи ревизии передаются контрольному органу бельгийских рабочих кооперативов «Фидукооп», который выполняет эти функции также для бельгийской рабочей партии и профсоюзов.

Выборы секретаря РСИ.

К этому пункту порядка дня Исполкому был представлен обширный меморандум тов. Ф. Адлером, который занимает пост секретаря со времени Учредительного Конгресса РСИ в мае 1923 г. в Гамбурге. В докладе этом, озаглавленном «Положение РСИ», Ф. Адлер останавливается подробно на ряде принципиальных и политических предпосылок, связанных с деятельностью секретаря. Французская делегация внесла следующее предложение:

«Французская делегация предлагает отложить выборы секретаря и связанную с этим дискуссии, для того, чтобы дать всем партиям возможность высказаться по поводу проблем, поднятых тов. Адлером в своем меморандуме».

Основные дебаты развернулись в рамках этого предложения к порядку. В ходе дискуссии т. Адлер изложил готовность поддержать опубликование своего меморандума до тех пор, пока партии не будут иметь возможность его обсудить. Предложение французской делегации было в конце концов отклонено 90 голосами против 86, при 18 воздержавшихся (голосование производилось на основе конгрессных голосов).

В ходе дискуссии французская делегация внесла еще другое предложение, а именно, чтобы проблемы, поднятые меморандумом Адлера, подверглись обсуждению не только в Исполкоме, но и на специальной конференции РСИ. Было решено запросить партии, считают ли они подобного рода конференцию желательной.

В дальнейшем завязалась формальная дискуссия по вопросу о том, следует ли рассматривать заявление секретаря в представленном им меморандуме, как отставку. Для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, английский делегат Уокер внес предложение: принять к сведению отставку секретаря и выразить ему благодарность за его деятельность. Это предложение о принятии к сведению отставки секретаря было отклонено 100 голосами против 78 при 16 воздержавшихся.

Председатель заявил, что тем самым Исполком постановил переизбрать Адлера секретарем. Последний, однако, заявил, что он это голосование рассматривает лишь как принятие в другой форме предложения французской делегации об отсрочке выборов. Таким образом, на ближайшем заседании Исполкома вопрос о выборах секретаря снова должен быть поставлен в порядок дня и разрешен в связи с результатами обсуждения меморандума секретаря отдельными партиями. Исполком присоединился к данному Адлером истолкованию указанного голосования.

В заключение были приняты практические решения о предстоящем съезде Междупарламентской Унии в Осло и о заведывании Фондом Международной Солидарности.

Комиссия о Политических Заключениех.

В комиссию эту избраны Вельс, Эввар, Грумбах, Даллас, Гиллис, Букман (Голландия), К. Адлер (Австрия), Эрлих (Бунд), Хеглунд (Швеция), Р. Гримм, Оленгауер и Алиса Пелье. Ряд партий не сообщил еще своих кандидатов; таким образом, на ближайшем заседании Исполкома будут произведены дополнительные выборы.

Заседание Бюро РСИ.

17-го июня состоялось заседание Бюро РСИ, в котором приняли участие представители всех входящих в него стран, кроме Финляндии, делегат которой прислал заявление о невозможности приехать. Были подробно обсуждены финансовые проблемы РСИ, заслушаны и утверждены кассовый отчет кассира и секретаря, и приняты меры экономии в бюджете на 1939 год. Затем был окончательно установлен порядок дня для предстоящего заседания Исполкома.

По России

К ИТОГАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ.

Опубликованное 2-го июня сообщение Госплана об итогах переписи населения 17-го января 1939 г. представляет большой интерес для «познания России». Официальная пресса, правда, по своему обыкновению, и на этот раз топит в море бахвальства и невежественной болтовни то ценное, что сообщают данные переписи. «Буржуазные демографы, экономисты и политики ломают головы над объяснением того факта, что в СССР население быстро растет». «Сила и мощь социализма находят свое яркое выражение в **небывалом быстром темпе прироста населения** нашей родины» («Правда» от 2-го июня; подчеркнуто в «Правде»). И т. д. все на тот же лад. В действительности никто себе головы не ломает над общеизвестным фактом, и нет ничего «небывалого» в современных темпах прироста населения СССР. Но итоги переписи ценны тем, что они дают точные ответы на вопросы о размерах и структуре населения Советского Союза и позволяют подвести некоторые итоги развития за большой период.

С начала революции это 4-ая общая перепись населения. В первый раз перепись была произведена 20-го августа 1920 г., когда в стране в ряде районов еще полыхало пламя гражданской войны. Перепись эта не могла поэтому охватить всю территорию страны, и ее итоговые данные отчасти основаны на исчислениях. Возможность пользоваться этими данными для суммарного анализа движения населения не вызывала однако до сих пор сомнений. 2-ая перепись была произведена 17-го декабря 1926 г., 3-ья — 6-го января 1937 г. и 4-ая и последняя 17-го января 1939 года. Перепись 1937 г., как известно, была объявлена порочной и данные ее не были опубликованы (см. статью «„Вредительская“ перепись» в № 19 «С. В.» за 1937 г.). Поэтому данные переписи 1939 г. можно сравнивать лишь с данными переписи 1920 и 1926 годов.

С августа 1920 г. по декабрь 1926 г. население теперешнего Советского Союза возросло с 130,9 до 147,0 миллионов, т. е. за 6 с третью лет на 16,1 милл. или на 12,3%. С декабря 1926 г. по январь 1939 г. население возросло с 147,0 до 175,5 миллионов, т. е. за 12 с небольшим лет на 28,5 миллионов или на 15,9%. Эти данные говорят о высоком, но отнюдь не «небывалом» темпе естественного прироста населения. Этого уровня темп естественного прироста населения достигал в начале века в большинстве европейских стран, а в некоторых, преимущественно в остальных странах, в том числе и в России, он был значительно выше. С тех пор он всюду понижился, понижился и у нас, в частности понижился и за годы революции. Это видно и из приведенных только что данных: на основании их нетрудно рассчитать, что за период с 1920 по 1926 год естественный прирост населения достигал в среднем за год 1,87%, за период с 1926 по 1939 год 1,23%, или, согласно обычному для статистики населения способу исчисления, 18,7 и 12,3 на тысячу населения (0/00).

Это понижение темпа естественного прироста населения является общей чертой для всей послевоенной Европы и было характерно для большинства европейских стран и в последнее десятилетие перед мировой войной. Напротив, до начала 20-го столетия кривая естественного прироста населения почти повсюду в Европе подымалась (исключение составляли Франция и Ирландия), причем подъем этот нередко происходил волнообразно*). Начало подъема последней волны этой кривой относится к 70-ым годам прошлого века. Рост материальной и гигиенической культуры в последние десятилетия 19-го столетия почти повсеместно привел к значительному сокращению смертности, обгонявшему повсеместное же сокращение рождаемости. Но коэффициент смертности должен был

* Если взять Европу в целом, то население ее, почти стабильное в течение веков вплоть до начала 18-го столетия, с этого момента начало заметно расти и с конца 18-го века темп этого роста стал очень значителен. Это видно из следующих суммарных данных о количестве европейского населения:

1700 г.	110 миллионов,
1750 г.	140 миллионов,
1800 г.	187 миллионов,
1850 г.	267 миллионов,
1900 г.	406 миллионов,

(см. В. Войтинский, «Мир в цифрах», т. 1). Прирост населения Европы за два века в итоге естественного и механического движения (эмиграция за океан) выразился по пятидесятилетиям в абсолютных числах

30 — 47 — 80 — 139 миллионами,

в относительных числах

27 — 34 — 43 — 52%.

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

рано или поздно приблизится к своему естественному пределу. Продолжающееся и после этого падение рождаемости, стимулируемое изменением возрастной структуры населения (значительным и растущим усилением групп стариков и старших возрастов с низкой рождаемостью, вызванным сокращением за предыдущие десятилетия рождаемости и удлинением средней продолжительности жизни), должно было привести к замедлению темпа прироста населения. Начало 20-го века явилось в этом отношении для большинства европейских стран переломным моментом. Последний взлет кривой естественного прироста населения достиг своего максимума в Германии в 1898 и затем в 1902 годах (15,6 0/00), в Англии в 1903 г. (13,0 0/00), в Австралии в 1901 г. (12,6 0/00), в Венгрии в 1900 и 1901 гг. (12,4 0/00), в Бельгии в 1901 г. (12,3 0/00), в Голландии в 1903 г. (16,0 0/00), в Швейцарии в 1902 г. (11,5 0/00) и т. д. *). Но темп естественного прироста населения продолжал ускоряться вплоть до начала войны в Италии, Испании, кое-где на Балканах и — в России. Так, в 50 губерниях европейской России естественное движение населения в последние десятилетия прошлого века и в начале 20-го века выразилось следующими числами (в среднем за год на 1.000 населения) **):

	рождаемость	смертность	естественный прирост
1881-1890	48,8	34,5	14,3
1891-1900	48,7	32,8	15,9
1900-1905	47,7	31,0	16,7
1906-1910	45,3	29,2	16,1
1911-1913	44,1	27,2	16,9

После мировой войны замедление темпа прироста населения стало общим явлением для всех европейских стран. Замедление естественного прироста населения в Советском Союзе укладывается, таким образом, в общую рамку естественного движения населения в Европе. Но оно имеет и свою особенность. Выше уже было отмечено, что перелом в начале века в развитии кривой естественного прироста населения был связан в большинстве европейских стран с изменением возрастной структуры населения. Напротив, в Советском Союзе мы наблюдаем значительное замедление естественного прироста населения при исключительно благоприятной для естественного прироста возрастной структуре. На этом необходимо остановиться.

В годы гражданской войны и голода старшие возрастные группы населения резко сократились, и перепись 1926 г. показала возрастную структуру населения, поражающую ничтожным процентом стариков в составе населения СССР. Люди в возрасте 50 лет и выше, т. е. возрастные группы с ничтожной или нулевой рождаемостью, составляли в 1926 г. в Советском Союзе лишь 13,0% всего населения, между тем в Германии % этот по последним данным достиг 22,4, в Ан-

глии 24,4, во Франции даже 26,2 и даже в Италии 19,8, Испании 18,1 и только в Румынии, как и в СССР, 13,0. Группы от 40 до 49 лет, т. е. возвратные группы с резко пониженными показателями рождаемости, охватывали в СССР в 1926 г. только 8,7% населения против 12,9% в Германии, 13,2 в Англии, 12,7 во Франции и т. д. Если взять все возрастные группы от 40 лет и выше, то в СССР в 1926 г. они охватывали лишь немного больше 1/5 населения: 21,7%, процент в современной Европе действительно беспримерный (Германия 35,3, Англия 37,6, Франция 38,9, Италия 30,7, Швеция 36,1 Норвегия 32,5 Дания 33,6, Финляндия 29,2 и т. д. и только Румыния с 23,1% и Польша с 24,2% приближаются к показателям СССР *).

С 1926 г., правда, в возрастной структуре населения СССР произошли, вероятно, значительные изменения, о которых мы узнаем лишь после опубликования более детальных сведений о результатах переписи 1939 года (если только результаты эти не будут засекречены). Однако уже а priori следует допустить некоторое усиление старших групп, но одновременно — при резком сокращении рождаемости (см. ниже) — значительную передвижку в возрастных группах ниже 40 лет от детских и подростковых групп к группам от 18 до 39 лет, т. е. к группам с максимальными показателями рождаемости. Тем большее значение приобретает в этих условиях факт значительного замедления за последнее десятилетие роста населения Советского Союза.

Данные о падении прироста населения, в среднем за последние 12 лет еще значительно скрашивают действительное развитие, так как нивелируют глубокие изменения, которые произошли как раз за этот двенадцатилетний период. Изучение действительного движения населения за эти годы наталкивается на большие трудности, так как данные о рождаемости, смертности и естественном приросте населения еще почти 10 лет назад стали в СССР предметом государственной тайны. Последний советский справочник, в котором сохранились данные о естественном движении населения вышел еще в 1929 г. («Статистический справочник СССР за 1928 г.», изд. ЦСУ СССР) и содержал данные о движении населения по 1927 г. включительно. Во всех последующих справочниках, а их было не так уж мало, таких данных больше нет. Для 1928 и 1929 годов, для Украины еще и для 1930 года можно найти данные о естественном движении населения в СССР в «Статистических Ежегодниках Лиги Наций», но с 1930 г. советские статистические учреждения отказывают в этих сведениях в Лиге Наций. Почему, это станет ясно, когда мы познакомимся с имеющимися данными. Они сведения (в промиллях) в следующей таблице (данные для СССР и РСФСР относятся лишь к европейской части того и дру-

	рождаемость				смертность				естест. прирост			
	СССР	РСФСР	УССР	БССР	СССР	РСФСР	УССР	БССР	СССР	РСФСР	УССР	БССР
1926	43,6	44,4	42,6	40,7	20,0	20,2	18,1	14,7	23,6	23,2	24,0	26,0
1927	42,9	44,4	40,3	38,6	21,0	22,9	17,8	14,1	21,9	21,5	22,5	24,5
1928	...	42,7	37,1	36,4	...	18,8	16,3	14,2	...	23,9	20,8	22,2
1929	...	38,6	35,3	32,9	...	20,6	17,5	14,2	...	18,0	17,8	18,7
1930	30,1	16,2	13,9	...

Советские статистики в начале еще склонны были уменьшать значение все отчетливее намечавшейся тенденции к падению естественного прироста населения. Авторы первого пятилетнего плана исходили еще из данных о движении населения до 1928 г. и исчислили население СССР на 1-ое апреля 1933 г., т. е. приблизительно на конец первой пятилетки, в 169,2 миллиона. Но положение становилось все напряженнее, и мудрое руководство «партии и правительства» решило ответить на падение статистических кривых засекречиванием данных о движении населения и пыталось убедить себя, что, запрещая публикацию неприятной статистики, оно может закрыть глаза на непокорное развитие. При выработке 2-го пятилетнего плана пришлось уже, однако, быть несколько осторожнее: население СССР было исчислено на 1-ое января 1933 года в 165,7 миллиона, т. е. на 3 с лишком миллиона меньше, чем намечалось в первом пятилет-

нем плане, и к 1-му января 1938 г. оно должно было достичь 180,7 миллиона (т. е. к январю 1939 года приблизительно 183,7 милл.). Но и этот расчет оказался построенным на песке: данные переписи 1939 года оказываются **более чем на 13 миллионов ниже уровня, ответствующего развитию, намечавшемуся во 2-ом пятилетнем плане, а по сравнению с уровнем, которого должно было бы достичь к 1939 году население СССР, если бы оправдались демографические прогнозы первого пятилетнего плана, недостача населения достигает почти 20 миллионов.**

Между тем кривая движения населения продолжала ползти вниз. Это можно было до поры до времени скрывать от внешнего мира. Для руководителей советской политики это не могло быть тайной. Но политбюро остается верно своей полицейской логике: если данные статистики не отвечают директивам политбюро, это значит, что кто-то искажает действительное развитие, фальсифицирует статистические данные, словом, «вредительствует» на статистическом фронте. Увы, это не карикатура, не злой памфлет, а подлинная действительность: в сентябре 1935 года состоялось постановле-

*) См. данные о движении населения с 1885 по 1910 гг. по годам для большого числа европейских стран в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 4-ое изд., т. 2-ой, 1924 г., стр. 690-691.

**) См. Л. И. Лубны-Герцык «Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции», изд. Госплана, Москва, 1926 г., стр. 8.

*) Все данные о возрастной структуре населения исчислены по таблицам «Статистического Ежегодника Лиги Наций» за 1937/38 г.

ние СНК СССР и ЦК ВКП «о постановке учета естественного движения населения», которое так прямо и объясняло низкий уровень данных о росте населения тем фактом, что

«органы учета часто использовались классовыми врагами (попы, кулаки, бывшие белые), пролезшими в эти организации и проводившими там контрреволюционную, вредительскую работу (регистрация по несколько раз смерти одних и тех же лиц, недоучет рождаемости и т. д.)» («Правда» от 28-го сентября 1935 года).

Но вот с 1-го января 1936 года учет естественного движения населения был поднят на должную высоту (под компетентным руководством Наркомвнудела и под контролем Прокуратуры СССР!). Упрямая статистика продолжала однако долбить свое. И когда в январе 1937 года была произведена перепись населения, итоги ее вызвали законное возмущение. На этот раз уже не злополучные «попы, кулаки и бывшие белые», а многолетний руководитель статистического ведомства **Краваль** со всем своим штабом был зачислен во вредители и фашистско-троцкистские агенты, и судьбу Кравали разделил через несколько месяцев и его преемник **Верменичев**. Руководство советской статистикой перешло в руки никому не ведомого **Саутина**, который и организовал перепись 1939 года. Но четыре правила арифметики жестокая штука, и перепись 1939 года реабилитировала и «попов» 1935 года, и «фашистско-троцкистских агентов» 1937 года. Как же все-таки быть с тем фактом, что по сравнению с 1926/28 гг. кривая роста населения резко упала? Надо отдать ему справедливость, Саутин нашел вполне «созвучный эпохе» выход из, казалось, безвыходного положения. Конечно, все дело во вредительстве, но вредительство это состояло не в **снижении** данных о естественном движении населения, как это еще не так давно утверждалось, а в **преувеличении** их. Это, оказывается, старое руководство статистического ведомства фальсифицировало данные о движении населения 12 лет назад, выводя не соответствующие действительности, «завышенные» показатели естественного прироста населения. Саутин так прямо и пишет:

«Ежегодно, начиная с 1927 года, ЦУНХУ вносило в цифры движения населения необоснованные „поправки“, ведущие к преувеличению темпов его роста. Проектировки второго пятилетнего плана в части населения, опиравшиеся на неправильный учет, не имели научной базы, были неправильными, фантазерскими» («Правда» от 2-го июня).

Это просто беспомощный лепет: данные о естественном приросте населения, «начиная с 1927 года», не выше, а ниже данных 1926 года и показывают по отношению к предыдущему периоду (1924/26 гг.) явную понижательную тенденцию. Если руководители статистического ведомства их несколько и «причесывали», то, значит, кривая естественного прироста населения, начиная с 1927 года, падала еще резче, чем об этом можно судить на основании приведенной выше таблицы. И не менее наивно звучит и аргумент о «фантазерском» характере расчетов авторов **второго** пятилетнего плана. Авторы **первого** пятилетнего плана шли в своем «фантазерстве» еще дальше, чем авторы 2-ой пятилетки. Но это было общее и предписанное «фантазерство» всех статистических и плановых органов. И еще в конце 1937 года, уже после «скандала» с переписью 1937 г., московский докладчик на парижском международном демографическом съезде (**А. Рубакин**) бесстыдно лгал о приросте населения в СССР в 1934 г. на 3 с половиной миллиона, об общей тенденции к подъему кривой естественного движения населения в Советском Союзе в противоположность затухающей кривой на Западе и т. п. (см. Труды съезда, т. 3, стр. 146 и сл.).

Но если верно, что в начале последнего двенадцатилетия естественный прирост населения в СССР достигал приблизительно 22 0/00 в год, то каков же должен быть прирост в конце двенадцатилетия, чтобы средняя за 12 лет равнялась 12,9 0/00? 4-5-6 0/00? Но это просто нелепо: такими темпами изменение демографических процессов не происходит. Прирост населения и сейчас едва ли ниже того уровня, который отвечает средней за 12 лет. А это значит, что где-то на протяжении этих 12 лет в стране произошла какая-то **демографическая катастрофа**, унесшая не один миллион человеческих жизней. Так итоги переписи напоминают о человеческих гекатомбах, принесенных на алтарь насильственной коллективизации. Но и помимо этой катастрофы сокращение коэффициента естественного движения населения за 12 лет с 22 0/00 до современного уровня является тревожным фактом, напоминающим о глубоких демографических последствиях социальной и экономической политики «генеральной линии».

**

Рамки нашего журнала не позволяют останавливаться подробно на ряде специальных вопросов, о которых напоминают итоги переписи. Но некоторых из этих вопросов необходимо хотя бегло коснуться. Итоги переписи свидетельствуют прежде всего о громадном **передвижении населения из**

деревень в города. Городское население увеличилось за 12 лет с 26,3 до 55,9 милл. т. е. возросло более, чем вдвое, и с избытком поглотило весь естественный прирост населения. Деревенское население абсолютно уменьшилось — со 120,7 до 114,6 миллионов. Процент городского населения (ко всему населению) вырос с 17,9 до 32,8. Число так наз. **больших городов**, т. е. городов с населением не менее 100.000, возросло за 12 лет с 33 до 82, среди них число городов с населением не менее полумиллиона с 3 до 11. Население городов с числом жителей не менее 100.000 возросло с 10 до 27,4 миллионов, т. е. в больших городах сейчас живет 16,1% всего населения Советского Союза (в 1926 г. 6,8%). Стоит напомнить, что во всей Европе в 1930 году насчитывалось около 272 городов с населением не менее 100.000 и что в этих городах жили 92,6 миллионов людей, т. е. 18,2% населения Европы (см. таблицу «Доссэ» № 87 за 1935 г.).

Все это, правда, было в общих чертах известно и до сих пор и итоги переписи придали этим фактам лишь большую определенность. Но вот, что в итогах переписи оказалось действительно новым, это факт **гигантского передвижения населения с юга на север и с запада на восток.** До сих пор об этой миграции можно было только догадываться. При увеличении населения СССР за 12 лет на 15,9% население Украины возросло лишь на 6,6%, т. е. меньше, чем за те же годы возросло население Соединенных Штатов (11%), Италии (9%), Германии (7%) или население всей Европы без Советского Союза (8,7%) и лишь немногим больше, чем население Англии (5%). На Украине есть целые области, где население за 12 лет даже абсолютно уменьшилось (в Винницкой области на 7%, в Полтавской даже на 15%). Абсолютное уменьшение населения наблюдается и в ряде областей РСФСР, расположенных в центре страны (в Калининской на 8%, в Рязанской на 9%, в Курской на 10%, в Смоленской на 11%, в Пензенской на 18%). Напротив, чрезвычайно возросло население Урала, Сибири и Дальнего Востока (в целом на 33%), в том числе по Иркутской области на 49%, по Свердловской и Новосибирской на 53%, по Читинской на 73%, по Хабаровскому краю на 136%. На севере европейской части Советского Союза очень выросла Архангельская область (на 25%) и особенно Мурманская область (в 9 раз; насчитывает сейчас почти четверть миллиона населения). Особняком стоишь Казахская ССР, население которой осталось стабильным (прирост за 12 лет на 1,2%) при сокращении населения по Кустанайской области на 23%, по Павлодарской области даже на 32%. Имеем ли мы здесь дело с результатами эмиграции населения в другие части Советского Союза, как это утверждают официальные толкователи итогов переписи, или с последствиями регрессивных демографических процессов, судить на основании опубликованных материалов трудно. Факты эти во всяком случае заслуживают внимания, особенно в связи с разветвляющейся сейчас переселенческой пропагандой. Может быть, мы еще будем иметь случаи к ним вернуться.

С. Ш.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «СОЦ. ВЕСТНИКА».

...Большое спасибо за присылку нам «Социалистического Вестника». У нас здесь в лагере большие конфликты. Коммунистическая «головка» лагеря запретила нам читать «Социалистический Вестник» и «Последние Новости». Нам не дают читать никаких газет, кроме «Правды» и «Известий». Мы с разрешения французской комендатуры выделились в отдельную группу. Нас — владеющих русским языком — 95 человек. В группах других национальностей, немцы, чехи, поляки, евреи, также конфликты из-за того, что их коммунистические «выборные» лишили права читать социалистические газеты на их родных языках.

«Соц. Вестник» тайком читают и те, кто остался в коммунистической группе.

Еще раз спасибо.

(Подпись).

20 июня 1939.

Camp Gurs. B. Puy.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Русские Записки, кн. 18.

Rosa Luxemburg, Die russische Revolution, Verlag Jean Flory, Paris, Preis 7,50 fres.

Nouveaux Cahiers, N° 47.

Die Sozialistische Jugend-Internationale. Ihre Entwicklung und ihre Tätigkeit in den Jahren 1935 bis 1938. Herausgegeben vom Sekretariat der S. J. I.

Der Sozialistische Kampf, N° 12.

Labour Discussion Notes. Issued by M. Chance, London, N° 3.